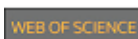

Мамяченков В. Н. Промышленность Свердловской области и ее потребительский рынок в «лихие» 1990-е : загадки и парадоксы эпохи реформ (по данным региональной статистики 1992—2000 годов) / В. Н. Мамяченков, В. С. Плохотников // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 407—417. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-407-417.

Mamyachenkov, V. N., Plokhotnikov, V. S. (2019). Sverdlovsk Region Industry and Its Consumer Market in “Dashing” 1990s: Mysteries and Paradoxes of Reform Era (according to Regional Statistics of 1992—2000). *Nauchnyi dialog*, 11: 407-417. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-407-417. (In Russ.).

УДК 94(470.54):330.567.223“1992/2000”
DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-407-417

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РЫНОК В «ЛИХИЕ» 1990-Е: ЗАГАДКИ И ПАРАДОКСЫ ЭПОХИ РЕФОРМ (ПО ДАННЫМ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ 1992—2000 ГОДОВ)

© Мамяченков Владимир Николаевич (2019), orcid.org/0000-0001-6070-8746, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), mamyachenkov@mail.ru.

© Плохотников Вячеслав Сергеевич (2019), orcid.org/0000-0002-4561-866X, кандидат исторических наук, учитель истории, средняя общеобразовательная школа № 89 (Тюмень, Россия), vyacheslavplo@mail.ru.

Целью исследования явился анализ состояния промышленного производства в Свердловской области в 1990-х годах и его влияния на обеспеченность населения товарами широкого потребления. Тема актуальна в контексте изучения воздействия кризиса на материальное положение населения. Исследование проведено на материалах, предоставляемых Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики, с привлечением научной и публицистической литературы по данному вопросу. Утверждается, что к падению объемов производства в 1990-е годы привел крах сложившейся за десятилетия системы хозяйственных связей в рамках СССР и Совета экономической взаимопомощи, а также сокращение закупок материалов и комплектующих изделий из стран Запада. Декларируется, что падение объемов производства во всех без исключения отраслях промышленности Свердловской области продолжалось вплоть до 1999 года. Отмечается, что после 1998 года в промышленности региона начался подъем во всех ее отраслях, за исключением топливной. Доказывается, что состояние потребительского рынка в сегменте промышленных товаров для населения не коррелировало с динамикой их производства в регионе. Делается вывод, что глубокий кризис промышленного производства, продолжавшийся до конца 1990-х годов, на рынке товаров широкого потребления был в значительной мере скомпенсирован импортными поставками зарубежного ширпотреба.

Ключевые слова: промышленность; Свердловская область; кризис промышленного производства; товары широкого потребления.

1. Введение

Актуальность темы нашей статьи, думается, не нуждается в избыточной аргументации: несмотря на то, что после окончания 1990-х годов прошло практически 20 лет, суть и последствия происходивших тогда событий по-прежнему воспринимаются крайне неоднозначно и в обывательской, и в научной среде. При этом наиболее объективными источниками нам представляются официально опубликованные данные Свердловского областного комитета государственной статистики (предшественника

нынешнего Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области). Объективность же указанных данных, по нашему мнению, обеспечена даже не столько статусом опубликовавшего их органа, сколько самим перманентно-непрерывным характером статистической работы, препятствующим каким-либо серьезным сиюминутным искажениям отчетности. Кроме того (и, возможно, это самое главное), вплоть до 1990-х годов огромный массив статистических материалов был надежно скрыт от посторонних глаз грифами «Для служебного пользования» и даже «Секретно». Другими словами, эти данные изначально если и предназначались для публикации, то в весьма ограниченных, дозированных количествах.

Упомянутые нами 1990-е годы занимают особое место в экономической (и не только) истории современной России. Названные с чьей-то легкой руки «лихими», они действительно оставили непростой след в памяти населения, но в то же время они же ознаменовали собой переход к рыночной экономике и быстрый рост потребительского рынка (что было сразу же замечено населением и соответственно оценено им). Правда, что касается промышленности, то здесь реформы шли с наибольшими трудностями, прежде всего по причине значительной инерционности промышленной сферы. Кроме того, речь шла не просто о реформировании или модернизации — речь шла о кардинальной ломке всех парадигм управления, сложившихся за предыдущие десятилетия. Не будет преувеличением сказать, что речь шла о грандиозной социально-экономической революции, подводящей черту под историей существования второго по экономической мощи государства нашей планеты.

Что касается историографии исследуемого нами периода, то она в массе своей относится к Российской Федерации в целом. Здесь наиболее интересными нам представляются работы таких авторов, как Е. Т. Гайдар [Гайдар, 1997; 1998; 2006; 2011], В. Н. Ковнир [Ковнир, 2005], В. П. Мотревич [Мотревич, 2004], А. Б. Чубайс [Чубайс, 2011]. Из зарубежных работ выделяется труд известного экономиста, автора теории «шоковой терапии» Дж. Сакса [Сакс, 1994].

Региональный аспект исследуемой нами проблемы представлен прежде всего трудами ученых Института экономики УНЦ РАН, см., например: [Бочко, 2006; Динамика ..., 1998; Уральский ..., 2006; Уровень ..., 2009]. Кроме того, и один из авторов настоящей статьи несколько своих статей посвятил социально-экономической ситуации в Свердловской области в 1990-е годы, см., например: [Мамяченков, 2007].

Данная статья, по мнению авторов, послужит вкладом в дальнейшую разработку данной крайне интересной и важной для социальных наук проблемы.

2. Промышленность Свердловской области в 1992—2000 годах: оптимистическая катастрофа

Мы не случайно выбрали для своего исследования именно 1992—2000 годы. Накануне, в конце декабря 1991-го, прекратил свое существование Советский Союз, а начало 1992 года было ознаменовано стартом реализации крайне остросюжетной и мало предсказуемой программой реализации шоковой терапии. Окончание же указанного периода соответствует не только завершению XX столетия, но и окончанию эпохи правления страной Б. Н. Ельцина и одновременно началу правления нового Президента —

В. В. Путина. Эти девять лет стали, пожалуй, наиболее драматичными и без того насыщенной событиями истории «перестройки» командно-административной экономики СССР и перевода ее на рыночные рельсы в уже обновленной Российской Федерации.

Общее представление о динамике функционирования ведущих отраслей промышленности в исследуемом периоде дает таблица 1, в которой приведены индексы физического объема производства по отраслям промышленности Свердловской области в 1992—2000 годах. Описывая социально-экономическую ситуацию в стране, сложившуюся к началу 1990-х годов, главный идеолог и инициатор «шоковой терапии» в нашей стране Е. Т. Гайдар писал: «Резко сократились капитальные вложения, военные расходы, импорт зерна, увеличились поставки сырья и топливно-энергетических ресурсов за рубеж, снизилось их внутреннее потребление. Сокращение закупок материалов и комплектующих изделий из стран Запада, а также крах сложившейся за десятилетия системы хозяйственных связей в рамках СССР и СЭВ — все это привело к падению объемов производства; вынужденная адаптация к новой валютно-финансовой ситуации — к значительному снижению уровня жизни населения» [Гайдар, 2006, с. 429].

К сказанному выше следует, конечно, добавить, что вышеупомянутые «сокращения», «падения» и «снижения» произошли по вполне объективным причинам, из которых главной была хроническая неконкурентоспособность созданной в СССР

Таблица 1

Индексы физического объема производства по отраслям промышленности Свердловской области в 1992—2000 годах (1990=100 %)

Наименование отрасли	Годы				
	1992	1994	1996	1998	2000
Вся промышленность	69	47	40	35	45
В том числе:					
— электроэнергетика	89	74	66	66	69
— топливная	92	59	54	43	37
— черная металлургия	77	58	54	37	58
— цветная металлургия	46	30	32	33	45
— химическая и нефтехимическая (без химико-фармацевтической)	60	48	34	31	42
— машиностроение и металлообработка (без промышленности медицинской техники)	89	43	32	25	39
— лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	105	57	40	30	46
— строительных материалов	84	49	36	30	37
— легкая	83	33	12	11	11
— пищевая	81	62	52	48	56

Источники: Свердловская ..., 1996, с. 3; Состояние ..., 1999, с. 37; Свердловская ..., 2004, с. 111 (расчеты авторов).

экономической системы. Во второй половине 1980-х годов именно эта причина в совокупности с непомерными военными расходами на фоне снижения цен на энергоресурсы мирового рынка и привела Советский Союз к полному экономическому коллапсу. Кроме того, добавим, что в конце 1991 года присовокупился и еще один мощнейший негативный фактор — развал СССР и, как следствие, разрыв сложившихся за долгие годы народнохозяйственных связей.

Действительно, таблица 1 служит наглядным подтверждением вышесказанного. По ней нетрудно заметить, что падение объемов производства во всех без исключения отраслях промышленности Свердловской области продолжалось вплоть до 1999 года (свою лепту в это внес и кризис 1998 года). При этом особенно сильно эти объемы по сравнению с 1990-м годом снизились в легкой промышленности — примерно в 9, машиностроении и металлообработке — в 4, а также лесной, деревообрабатывающей целлюлозно-бумажной, промышленности стройматериалов, химической и нефтехимической, цветной металлургии — в 3 и более раз.

При этом интересно, что меньше всего кризис задел такую ведущую сферу промышленности, как электроэнергетика — здесь снижение объемов производства в сравнении с 1990-м годом составило только 34 % и завершилось уже в середине десятилетия. Правда, в дальнейшем темпы роста электроэнергетики были сравнительно медленными, что объясняется уже быстрым развитием энергосберегающих технологий — новые социально-экономические парадигмы потребовали и от бизнеса, и от населения полного пересмотра своего отношения к экономике всех видов ресурсов.

В то же время цифры, приведенные в таблице 1, говорят о том, что после 1998 года в промышленности региона начался подъем во всех ее отраслях, за исключением топливной и легкой. Действительно, в топливной промышленности региона кризис проявился в наибольшей мере по причине полного упадка добычи торфа — с 1992 по 2000 годы этот показатель снизился с 2 182 до 78 тыс. т, то есть в 28 раз) [Свердловская ..., 1996, с. 97; Свердловская ..., 2004, с. 113]. Выходя за временные рамки нашего исследования, отметим, что существенное падение торфодобычи продолжалось и в последующие годы, составив в 2015 году всего лишь 4 тыс. т [Об утверждении комплексной программы ...]. Нечто похожее произошло и с легкой промышленностью, которая и в наши дни остается одной из малоперспективных отраслей промышленности Среднего Урала [Об утверждении концепции ...].

Но в целом, как мы видим, после 1998 года ситуация в промышленном секторе экономики Свердловской области стала меняться к лучшему. Таким образом, в динамике развития промышленности Среднего Урала в 1990-х годах можно, по нашему мнению, с некоторыми условностями и допущениями выделить три классических этапа кризиса: падение (для большинства отраслей — до 1999 года), стагнация (1998-й — первая половина 1999 года) и подъем (вторая половина 1999-го — 2000 годы).

Конечно, справедливости ради, нелишне будет добавить: последовавшие вскоре значительные позитивные изменения конъюнктуры на мировом рынке нефтегазоресурсов, существенно облегчившие финансовое положение как страны в целом, так и Свердловской области, позволили стабилизировать ситуацию в промышленности вплоть до конца первого десятилетия XX века.

Тем не менее, как нам представляется, не стоит преуменьшать и влияние быстрого развития рыночных отношений во всех сферах жизни российского общества. Хотя, конечно, как всякое непривычное и неизвестное доселе явление, эти отношения развивались весьма противоречиво и порой с большими издержками. Здесь достаточно вспомнить более чем спорный процесс приватизации государственной собственности, неэффективность деятельности органов власти всех уровней и, наконец, беспрецедентный рост уголовной и экономической преступности (видимо, главным образом благодаря последнему 1990-е годы и получили свое название — «лихие»).

Наконец, не стоит и излишне драматизировать итоги промышленного спада 1990-х. Как и всякий кризис, этот экономический коллапс в сочетании с кардинальными изменениями в социальной жизни общества заставил все-таки последнее сделать определенные выводы и пересмотреть свои, казалось бы, раз и навсегда устоявшиеся, концепции. Да, российское общество заплатило огромную цену за необходимые перемены, но, думается, конечный результат того заслуживал.

3. Потребительский рынок: «челночное» чудо

Поскольку военно-промышленный комплекс (ВПК) в Советском Союзе являлся, по сути, ведущим сектором всей промышленности, то исследуемый нами экономический кризис 1990-х оказал на него и самое сильное воздействие. Последовавшее затем снижение объемов производства военной продукции способствовало повышению внимания к потребительскому рынку. Действительно, вряд ли стоит спорить с тем, что в целом ВПК оказывал негативное воздействие на экономику, так как перемалывал огромное количество необходимых другим сферам экономики ресурсов, а его позитивное влияние при этом было существенно меньше. Резкое падение объемов военных производств высвободило значительные материальные и людские ресурсы, которые так или иначе устремились на потребительский рынок, вызвав его стремительный рост, правда, весьма своеобразный (если рассматривать его с точки зрения источника поступления товаров).

В свете вышесказанного уже не столь удивительным представляется сложившийся в исследуемом нами периоде парадокс. Суть его состояла в том, что состояние потребительского рынка в сегменте промышленных товаров для населения совсем не коррелировало с динамикой их производства в регионе (и не только в нем). Мало того — есть все основания утверждать, что уровень потребления промышленного ширпотреба в исследуемом периоде стал значительно выше. Подтверждением тому служит таблица 2, из которой хорошо видно, что за 1990-е годы обеспеченность семей Среднего Урала товарами широкого потребления в виде бытовой техники не только не снизилась, но даже количественно увеличилась и при этом качественно существенно обновилась.

Например, именно в указанные кризисные годы население стало активно использовать в обыденной жизни видеомагнитофоны и видеокамеры, все большую популярность получали неведомые до того «простым» людям музыкальные центры, а в некоторых семьях к началу XXI века уже появились компьютеры. Как нам представляется, можно утверждать, что во второй половине 1990-х годов на рынке товаров широкого потребления (в том числе — на рынке непродовольственных

Таблица 2

Обеспеченность некоторыми видами бытовой техники населения
Свердловской области в 1989 и 2000 годах, *шт./100 семей*

Наименование товаров	Годы	
	1989	2000
Телевизоры (черно-белые и цветные)	108	117
Холодильники	100	114
Стиральные машины	93	107
Электропылесосы	70	88
Швейные машины	68	81
Магнитофоны	57	63
Видеомагнитофоны, видеокамеры	—	47
Музыкальные центры	—	14
Персональные компьютеры	—	3

Источники: Свердловская ..., 1991, с. 47; Бочко, 2006, с. 129.

промышленных товаров) произошло резкое повышение платежеспособного спроса населения. Этот рост продолжился и в дальнейшем: например, в 2004 году в Свердловской области на 100 домохозяйств насчитывалось уже 128 телевизоров, 32 музыкальных центра и 24 компьютера.

При этом, как утверждает В. С. Бочко, «по ряду из этих товаров домашние хозяйства Свердловской области подошли к естественному насыщению, после которого наступает обновление изношенных или технологически устаревших приборов на новые» [Бочко, 2006, с. 129]. Как видим, обновляющейся экономике страны понадобилось не так уж много лет, чтобы обеспечить практически все население необходимыми бытовыми приборами (чего, кстати, советская командно-административная экономика не смогла сделать за несколько десятилетий).

Но самым, пожалуй, весомым аргументом в пользу улучшения (вопреки всему!) ситуации на рынке непродовольственных промтоваров в 1990-х годах может служить динамика обеспеченности населения легковыми автомобилями: с 1992 по 2000 годы количество автомобилей в расчете на 1000 человек возросло с 64 до 98, то есть более чем в 1,5 раза [Бочко, 2006, с. 131]. Комментарий здесь может быть только один: трудно назвать беднеющим население, которое во все возрастающих масштабах приобретает в личное пользование автомобили. Хотя, конечно, следует учитывать и тот факт, что уровень обеспеченности населения СССР личным автотранспортом был в сравнении с жителями развитых стран во все времена очень низким, что наблюдалось и в Российской Федерации в последнем десятилетии XX века.

В чем-то похожие парадоксальные явления происходили в «лихие» 1990-е и на рынке продовольственных товаров, о чем подробно рассказывается в труде одного из авторов данной статьи [Мамяченков, 2007]. Суть одного из парадоксов состояла в том, что в самый пик кризиса (а именно — в 1993 году) уровень потребления семьями рабочих и

служащих промышленных предприятий Свердловской области продуктов питания стал быстро возрастать, хотя при этом аналогичный усредненный показатель по всему населению региона снижался. Так, например, если в целом по населению области среднедушевое потребление мясопродуктов составило в 1991 году — 65, а в 1993-м — 55 кг [ТОФСГССО, б.], то в семьях рабочих и служащих промышленности (которые в большинстве своем являлись городским населением) динамика данного показателя была абсолютно противоположной: 71 и 88 кг [ТОФСГССО, а.] соответственно. Главной же причиной вышеописанного парадокса была, по нашему мнению, быстро растущая дифференциация между городским и сельским населением в потреблении продуктов питания.

Если же вернуться к парадоксу потреблению непродовольственных товаров, то весьма интересным нам представляется следующий факт: в исследованиях, посвященных 1990-м годам, практически нет сведений о приобретении населением продукции легкой промышленности: тканей, одежды, обуви и т. д., а также вообще мелкого ширпотреба. Мало того — даже статистические органы, которые по определению должны были вести соответствующую работу, в 1990-е годы неожиданно прекратили учет потребления населением непродовольственных промтоваров в натуральном выражении. В подтверждение сошлемся на два важных источника, а именно итоги обследования бюджетов семей за 1993 и 1994 годы [Итоги ..., 1994; Об уровне ..., 1995]. В них отсутствуют, например, среднедушевые данные поштучного потребления таких товаров, как готовая одежда и обувь, а вместо них фигурируют только денежные показатели потребления непродовольственных промтоваров. Аналогично мы не найдем таких сведений ни в монографии В. С. Бочко [Бочко, 2006], ни в обстоятельном коллективном труде ученых Института экономики УНЦ РАН [Уровень ...].

О причинах всего вышеописанного мы можем только строить предположения, так как, несмотря на хаос 1990-х статорганы все же вели учет потребления населением тех же продуктов питания. Поэтому непонятно, кто помешал им также учитывать и потребление непродовольственных товаров. Несомненным же для нас является, однако, тот факт, что в исследуемом периоде стремительно возрастали масштабы «челночного»¹ (по сути — частного) импорта. Конечно, ввиду ограниченного объема данной статьи мы не можем исследовать «челночничество» как специфическое социально-экономическое явление. Отметим только, что, например, по утверждению специалистов Института экономической политики, в 1995—1996 годах «челноки» ежеквартально ввозили в Российскую Федерацию товаров из дальнего зарубежья на сумму 2,5—3 млрд долларов. Есть также сведения, что в середине 1990-х годов «челночный» бизнес на всех его стадиях — от закупки товаров за рубежом до их продажи на вещевых рынках — давал работу не менее чем 10 млн человек, а по некоторым данным — даже 30 млн, что было эквивалентно более чем 40 % трудоспособного населения России [Тимирчинская, 2018].

Наконец, нельзя также не сказать, что, в отличие от промышленного сектора экономики, потребительский рынок с трудом поддается периодизации. В этом плане, на наш взгляд, все 1990-е годы можно считать одним непрерывным этапом —

1 «Челноки» — граждане, совершающие кратковременные регулярные выезды за границу с коммерческими целями.

Рис. 1. Памятник «Челнокам» на вокзале г. Екатеринбурга

этапом зарождения и становления цивилизованного потребительского рынка в России. И это правильная постановка вопроса, так как говорить о функционировании полноценного потребительского рынка в хронически дефицитной экономике СССР было бы явным преувеличением.

4. Выводы

Подводя итоги нашего исследования, можно констатировать, что глубокий кризис промышленного производства, продолжавший до конца 1990-х годов, на рынке товаров широкого потребления был в значительной мере скомпенсирован импортными поступлениями зарубежного ширпотреба. При этом, несомненно, главнейшую роль сыграло то обстоятельство, что страна в ускоренном порядке в результате проведения масштабной «шоковой терапии» перешла к рыночным отношениям. Этот процесс был непростым, а для значительной части населения — очень тягостным и связанным со значительными лишениями. Но именно он даже не в самых своих цивилизованных формах (чего стоит одно только массовое появление тех же «челноков») активно способствовал наполнению товарного рынка и избавлению от проблемы товарного дефицита — извечного спутника командно-административной экономики.

При этом следует подчеркнуть, что «челноками» фактически были не только отдельные физические лица, но и многие фирмы, ставшие в те годы импортерами ширпотреба. Масштабы «челночной» экономики 1990-х и в наши дни не могут быть оценены даже приблизительно, но ее большой вклад в преодоление острейшего товарного кризиса не подлежит сомнению. Не зря в ряде городов России и в том числе в Екатеринбурге установлены символические памятники «челнокам» — безымянными предпринимателям эпохи «дикого» капитализма. И это, на наш взгляд, исторически справедливо, так как миллионы этих активных российских граждан не позволили стране, находящейся в тисках системного кризиса, и самим себе скатиться в состояние бедности и нищеты, не позволили снизить уровень жизни до недопустимых пределов.

Таким образом, представленный в настоящей статье материал ставит под сомнение достаточно распространенное мнение о «тотальном» обнищании населения Российской Федерации в 1990-х годах.

Источники и принятые сокращения

1. *Итоги* обследования бюджетов семей за 1993 год. — Екатеринбург : Свердловстат, 1994. — 49 с.
2. *Об уровне жизни населения Свердловской области (итоги обследования бюджетов семей за 1994 год)*. — Екатеринбург : Свердловстат, 1995. — 7 с.

3. *Об утверждении* комплексной программы Свердловской области «Вовлечение местных топливных ресурсов в топливный баланс Свердловской области до 2020 года» от 2 июля 2013 года N 816-ПП [Электронный ресурс] : постановление Правительства Свердловской области // Консорциум «Кодекс» : электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/429018675>.

4. *Об утверждении* концепции областной целевой программы «Развитие промышленности Свердловской области и повышение ее конкурентоспособности» на 2014—2018 годы» от 1 октября 2015 года N 879-ПП [Электронный ресурс] : постановление Правительства Свердловской области // Консорциум «Кодекс» : электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/453135942>.

5. *Свердловская область в 1991—1995 годах*. — Екатеринбург : Свердловоблстат, 1996. — 201 с.

6. *Свердловская область в 1999—2003 гг.* : статистический сборник. — Екатеринбург : Свердловоблстат, 2004. — 184 с.

7. *Свердловская область в цифрах. 1986—1990*. — Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 1991. — 145 с.

8. *Состояние экономики Свердловской области в 1996—1998 гг.* : аналитический обзор. — Екатеринбург : Свердловоблстат, 1999. — 89 с.

9. *Тимирчинская О.* Признак катастрофы : как челноки 90-х спасали Россию [Электронный ресурс] / О. Тимирчинская // Livejournal. — 2018. — Режим доступа : <https://sell-off.livejournal.com/30167280.html>.

10. ТОФГССО — *Территориальный орган* Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области : текущий архив. а. Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1979—1993 гг. Табл. 21. б. Динамика потребления продуктов за 1991—2001 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочко В. С.* Свердловская область в период реформ (тенденции преобразований) / В. С. Бочко. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2006. — 315 с.

2. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи : уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. — 448 с.

3. *Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед / Е. Т. Гайдар. — Москва : Вагриус, 1997. — 368 с.

4. *Гайдар Е. Т.* Развилки новейшей истории России / Е. Т. Гайдар, А. Б. Чубайс. — Москва : ОГИ, 2011. — 168 с.

5. *Динамика социально-экономического развития Урала в 90-е годы* / А. И. Татаркин, А. А. Куклин, В. И. Яковлев и др. — Екатеринбург : Валенсия, 1998. — 73 с.

6. *Ковнир В. Н.* История экономики России / В. Н. Ковнир. — Москва : Логос, 2005. — 472 с.

7. *Мамяченков В. Н.* Шоковая терапия в Свердловской области: парадоксы потребления / В. Н. Мамяченков // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VIII Всероссийской научной конференции, 27—28 апреля 2007 г. — Екатеринбург : АМБ, 2007. — Т. 2. — С. 166—168.

8. *Мотревич В. П.* Экономическая история России : учебное издание / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Издательство Гуманитарного университета, 2004. — 712 с.

9. *Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия / Дж. Сакс. — Москва : Экономика, 1994. — 336 с.

10. *Уральский регион : последствия экономического реформирования* / А. И. Татаркин и др. — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1996. — 363 с.

11. *Уровень жизни населения Урала : социальная стратификация регионального социума и система социальной защиты* / А. И. Татаркин и др. — Екатеринбург, 1999. — 115 с.

12. *Экономика переходного периода : очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991—1997* / Е. Т. Гайдар и др. — Москва : Институт экономики переходного периода, 1998. — 1113 с.

SVERDLOVSK REGION INDUSTRY AND ITS CONSUMER MARKET IN “DASHING” 1990S: MYSTERIES AND PARADOXES OF REFORM ERA (ACCORDING TO REGIONAL STATISTICS OF 1992—2000)

© Vladimir N. Mamyachenkov (2019), orcid.org/0000-0001-6070-8746, Doctor of History, professor of the Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), mamyachenkov@mail.ru.

© Vyacheslav S. Plokhotnikov (2019), orcid.org/0000-0002-4561-866X, PhD in History, history teacher, secondary school No. 89 (Tyumen, Russia), vyacheslavplo@mail.ru.

The aim of the study is to analyze the state of industrial production in the Sverdlovsk region in the 1990s and its impact on the provision of population with consumer goods. The topic is relevant in the context of studying the impact of the crisis on the financial situation of population. The study was conducted on the materials provided by the Territorial body of the Federal State Statistics Service, with the involvement of scientific and journalistic literature on this issue. It is argued that the fall in production in the 1990s was caused by the collapse of the decades-old system of economic relations within the USSR and the Council of economic mutual assistance, as well as the reduction of purchases of materials and components from Western countries. It is declared that the decline in production in all industries of the Sverdlovsk region without exception continued until 1999. It is noted that after 1998 the industry of the region began to rise in all its branches, except for fuel. It is proved that the state of the consumer market in the segment of industrial goods for population did not correlate with the dynamics of their production in the region. It is concluded that the deep crisis of industrial production, which lasted until the end of the 1990s, in the market of consumer goods was largely compensated by imports of foreign consumer goods.

Key words: industry; Sverdlovsk region; crisis of industrial production; consumer goods.

MATERIAL RESOURCES

Itogi obsledovaniya byudzhetrov semey za 1993 god. (1994). Yekaterinburg: Sverdloblstat. (In Russ.).

Ob urovne zhizni naseleniya Sverdlovskoy oblasti (itogi obsledovaniya byudzhetrov semey za 1994 god). (1995). Yekaterinburg: Sverdloblstat. (In Russ.).

Ob utverzhdenii kompleksnoy programmy Sverdlovskoy oblasti «Vovlechenie mestnykh toplivnykh resursov v toplivnyy balans Sverdlovskoy oblasti do 2020 goda» ot 2 iyulya 2013 goda N 816-PP: postanovleniye Pravitelstva Sverdlovskoy oblasti. In: *Konsortium «Kodeks»: elektronnyy fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/429018675>. (In Russ.).

Ob utverzhdenii kontseptsii oblastnoy tseloy programmy «Razvitiye promyshlennosti Sverdlovskoy oblasti i povysheniye ee konkurentosposobnosti na 2014—2018 gody» ot 1 oktyabrya 2015 goda N 879-PP: postanovleniye Pravitelstva

- Sverdlovskoy oblasti. In: *Konsortsium «Kodeks»: elektronnyy fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/453135942>. (In Russ.).
- Sostoyaniye ekonomiki Sverdlovskoy oblasti v 1996—1998 gg.: analiticheskiy obzor*. (1999). Yekaterinburg: Sverdloblstat. (In Russ.).
- Sverdlovskaya oblast' v 1991—1995 godakh*. (1996). Yekaterinburg: Sverdloblstat. (In Russ.).
- Sverdlovskaya oblast' v 1999—2003 gg.: statisticheskiy sbornik*. (2004). Yekaterinburg: Sverdloblstat. (In Russ.).
- Sverdlovskaya oblast' v tsifrah. 1986—1990*. (1991). Yekaterinburg: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Timirchinskaya, O. (2018). Priznak katastrofy: kak chelnoki 90-kh spasali Rossiyu. In: *Livejournal*. Available at: <https://sell-off.livejournal.com/30167280.html>. (In Russ.).
- TOFSGSSO — *Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Sverdlovskoy oblasti. Tekushchiy arkhiv*. Dinamicheskiye ryady po rabochim i sluzhashchim promyshlennosti 1979—1993 gg. Tabl. 21. Dinamika potrebleniya produktov za 1991—2001 gg. (In Russ.).

REFERENCES

- Bochko, V. S. (2006). *Sverdlovskaya oblast' v period reform (tendentsii preobrazovaniy)*. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN. (In Russ.).
- Gaydar, E. T. (1997). *Dni porazheniy i pobed*. Moskva: Vagrius. (In Russ.).
- Gaydar, E. T. (1998). *Ekonomika perekhodnogo perioda: ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii, 1991—1997*. Moskva: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda. (In Russ.).
- Gaydar, E. T. (2006). *Gibel' imperii: uroki dlya sovremennoy Rossii*. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Gaydar, E. T., Chubays, A. B. (2011). *Razvilki noveyshey istorii Rossii*. Moskva: OGI. (In Russ.).
- Kovnir, V. N. (2005). *Istoriya ekonomiki Rossii*. Moskva: Logos. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2007). Shokovaya terapiya v Sverdlovskoy oblasti: paradoksy potrebleniya. In: *Ural industrialnyy. Bakuninskiye chteniya: materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 27—28 aprelya 2007 g. 2*. Yekaterinburg: AMB. 166—168.
- Motrevich, V. P. (2004). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: uchebnoye izdaniye*. Yekaterinburg: Izdatelstvo Gumanitarnogo universiteta. (In Russ.).
- Saks Dzh. (1994). *Rynochnaya ekonomika i Rossiya*. Moskva: Ekonomika. (In Russ.).
- Tatarkin, A. I. (et. al.). (1996). *Uralskiy region: posledstviya ekonomicheskogo reformirovaniya*. Yekaterinburg: Izdatelstvo URO RAN. (In Russ.).
- Tatarkin, A. I. (et. al.). (1999). *Uroven' zhizni naseleniya Urala: sotsialnaya stratifikatsiya regionalnogo sotsiuma i sistema sotsialnoy zashchity*. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Tatarkin, A. I., Kuklin, A. A., Yakovlev, V. I. (et. al.). (1998). *Dinamika sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Urala v 90-e gody*. Yekaterinburg: Valensiya. (In Russ.).